

АРХИВНОЕ УБИЙСТВО

АЛЕКСАНДР
ДОБРОВИНСКИЙ

АРХИВНОЕ УБИЙСТВО

ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
ИЗВЕСТНОГО АДВОКАТА

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д56

Фото на обложке *Дмитрия Каманина*

Добровинский, Александр Андреевич.
Д56 Архивное убийство : детективные истории из жизни известного адвоката / Александр Добровинский. — Москва : Добровинский А.А., 2026. — 240 с.

ISBN 978-5-6055762-1-1

В руки автора попадает уникальный архив — дневники, письма и тысячи фотографий, оставленных одной из самых знаменитых пар советского кино. На первый взгляд это лишь бесценные свидетельства ушедшей эпохи. Но чем глубже Добровинский погружается в документы, тем яснее понимает: за строками дневников и обрывками фраз скрывается нечто большее.

Шаг за шагом старые бумаги складываются в тревожную мозаику. И то, что начиналось как увлекательное историческое расследование, неожиданно приводит к следу двух таинственных и почти забытых убийств XX века.

«Архивное убийство» — это интеллектуальный детектив о тайнах прошлого, где судьбы великих людей, любовь, ревность и страх переплетаются с реальными загадками истории.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6055762-1-1

© Александр Андреевич Добровинский, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Расследованию двух, может быть, самых загадочных преступлений, всколыхнувших в свое время нашу страну, автор обязан в первую очередь бесценному архиву, попавшему ему в руки много лет назад.

Впрочем, ни архива, ни разгадок тайн прошлого никогда бы не было, если бы не сами звездные герои, оставившие потомкам сотни страниц дневников, записок, артефактов, а также тысячи фотографий, не говоря уже о навсегда вошедшем в историю и культуру нашей страны творчестве этих выдающихся людей.

Но и это еще не все.

Тайны прошлого навсегда бы остались в своих саркофагах забвения, если бы не пытливые глаза небольшой группы искусствоведов, дотошность автора, его всепоглощающая страсть аналитика, исследователя и коллекционера.

Результатом этого каскада наложившихся друг на друга событийных пластов и стала эта книга.

В отличие от расследований, описанных тем же автором в предыдущих сборниках «Тайна письменного стола»

и «Убийство на Масловке», настоящее издание имеет важную особенность. В упомянутых книгах одну из ключевых ролей играли... сноски. Да-да — обыкновенные примечания-сноски о необыкновенных людях, о героях прошлого или о наших современниках.

Ну хорошо, не совсем обыкновенные сноски, а авторские, довольно расширенные и, можно сказать, повествовательные. Читатель часто открывал для себя новых героев ушедших лет, людей, навсегда оставивших некий светящийся след в истории. Тем интереснее и живее становились все указанные в сносках герои, оживая на страницах упомянутых мною произведений.

На этот раз автор пошел другим путем. Основным персонажем будут предоставлены целые главы. Дело в том, что такая значимая, объемная и уникальная информация вышла за рамки даже самых больших сносок и превратилась в нечто иное. Но любовь автора к своим литературно-историческим друзьям осталась. Вот почему вышеназванные главы (можно называть их даже «вкрапления») будут по-прежнему иметь название «Сноски» и, бесспорно, как и их младшие сестры из других книг, — получат нумерацию.

Впрочем, читатель все увидит сам.

И в заключение. Расследование, итог которого вы в данную минуту держите в руках, заняло у автора много лет. Оно, это расследование, останавливалось по объективным причинам, заходило в тупик и даже время от времени неожиданно сворачивало в совершенно непредсказуемом направлении. Что же касается самого архива, то с тех пор, как он попал автору в руки, он находился и находится в двух местах. В том самом доме, где он по праву

был создан, и в помещении, где его так тщательно изучают. Вот почему последними словами данной книги будут:

*Писательский поселок Внуково.
Дача Л. П. Орловой и Г. В. Александрова
Офис адвоката А. А. Добровинского
2012–2025 гг.*

Глава I

Если бы меня всю жизнь не тянули загадки и шарады, подбрасываемые мне судьбой, я бы никогда не занимался тем, чем занимаюсь сейчас.

На ближайший период для меня и, что интересно, мною же отложены двенадцать записок.

Стараюсь, чтобы их было всегда четное число. По крайней мере, в таком варианте появляется надежда, что можно сопоставить вопрос и ответ. Не всегда получается.

Вообще, это безумно сложная и кропотливая работа.

Сизиф — просто мальчик по сравнению со мной. Подумаешь, камень тащить в гору. Бездумный фитнес. Посмотрел бы я на него сейчас в моем кабинете.

Хорошо, что в свое время секретари сделали все копии записок. А то в самом начале приходилось рыться в этих картонных коробках, чтобы сложить мельчайший пазл. Теперь, безусловно, стало легче. Хотя когда доходят руки до такого текста — легче не становится. Сколько всего записок мы насчитали? Тысяча шестьсот пятьдесят

девять. И это только то, что сохранилось. Нормальные люди могут так жить? Нет, конечно. Впрочем, может быть, это был их ключ к счастью? Кто это теперь скажет? Углубляться в дебри и тайны отношений пока не хочется. Однажды мой приятель, естественно в шутку, тоже предложил своей супруге переписываться, вместо того чтобы разговаривать. Самая первая и единственная мирная фраза, услышанная им в ответ, была вопросительной, как вопросительный знак: «Тааак. У тебя кто-то есть кроме меня?» Продолжение разговора, моментально перешедшего в монолог, лучше не вспоминать...

А тут люди прожили во всепоглощающей вселенной тишине много десятков лет и, похоже, ни разу не поссорились. Неизвестно еще, кто нормальный в этом мире, а кто нет...

Шесть толстых томов аккуратно скопированных записок. Иногда по три-четыре на страницу. И каждый раз в поисках ответа надо все пересматривать заново. Бывает, правда, что ответную писульку, кажется, нашел, и вроде все сходится... Но через какое-то время понимаешь, что это не так, и все начинается сначала. Ах, если бы они ставили даты...

Ну хоть почерк разный. И еще одна вещь облегчает работу. Вот он начинает писать записки, скорее всего, у себя в кабинете, и большей частью использует в один период синий карандаш. В другой красный. Но у мужчины это более-менее постоянный ход. По крайней мере, хочется верить, что это так. У нее нет. Писала ответ тем, что было под рукой.

Когда я сгруппировал записки, исходя из цвета карандашей, стало чуть легче. Но кто сказал, что для того,

чтобы я не мучился, он писал записки в течение этих месяцев одним и тем же цветом? Никто. У него на столе наверняка валялась уйма всякого. И карандашей штук двадцать. Причем разных. Я уверен.

Иногда хочется все бросить и пойти тупо гулять по саду. С собакой, например. Нет, не сейчас. Сейчас превалирует инстинкт охотника. Без собаки. Справлюсь один. Пусть спит дальше на моих коленях.

Так, начнем с первого альбома...

Глава II

Ну нет, все-таки отношения не очень типичные. И вроде все встречается в жизни, но чтобы так разом?

Во-первых, они всю жизнь «на вы». Не буду лукавить, иногда это даже красиво. Психологически понимаю, что произошло, и поэтому такой вызов обществу объясним.

ОН — молодой и, похоже, очень талантливый. На афишах уже нескольких фильмов значится его имя как равноценного партнера главного режиссера в мире. Женат на актрисе авангардного театра «Синяя блуза». Только что вернулся из длительной, можно сказать, уникальной, многолетней командировки. Берлин, Лондон, Амстердам, Женева, Лозанна, Париж, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Голливуд. А потом вся Мексика. Насмотревшись в Штатах на то, чего не хватало советскому зрителю, создает в СССР первый мюзикл. Нет, так говорить нельзя. По крайней мере, тогда так говорить было нельзя. Первую музыкальную комедию. Вот так правильно. Для него это ставка на рулетку жизни. Или он победит и весь мир у его ног, или он проиграет. Проиграет в 1934 году?.. Нехороший

период для проигрыша. Может быть, поэтому он со всеми участниками фильма «на Вы». С композитором, оператором, директором фильма и, естественно, с исполнителями главных ролей. Ему надо держать дистанцию. Иначе сядут на голову. А потом эту же голову могут снести. Время такое, как бы это сказать, не очень спокойное.

ОНА — дворянского происхождения, о чем не хочется вспоминать, но и спрятать не очень получается. Служит в довольно известном московском театре. Пока еще очаровательная шатенка не очень высокого роста. Поет, хорошо двигается на сцене, имеет музыкальное образование. В трудные времена подрабатывала тапером в кинотеатрах. Немые фильмы надо было разукрашивать живым звуком. А вообще сложностей в жизни хватает. Бывший муж — в заключении. Враг народа. За ней ухаживает милейший немец. Хотя некоторые справочники говорят, что немец — австриец. В любом случае, иностранец в Москве в те годы редкость, и об их романе судачит бомонд столицы. Однако в настоящий момент ей выпал шанс. Режиссер — молодой голубоглазый высоченный красавец — пригласил ее на главную роль в своем единоличном дебютном фильме. Получится успех, и это путь в светлое будущее. Не получится — в любой день ей могут припомнить все. И происхождение, и мужа, и любимого немца. Ей тридцать два года, и она играет роль семнадцатилетней девушки. Ее партнер, исполнитель главной мужской роли и автор идеи фильма, вообще-то против нее: «стара для этой роли». На съемках за ней ухаживает очаровательный и безумно талантливый оператор. В Гагры на море, а именно туда выехала для работы группа, приезжает тот самый немец. Но главный человек на площадке смотрит

тоже как-то очень решительно. Да, она старше на год режиссера. И что? Это нормально, что она с ним «на Вы». Актриса просит возлюбленного не мешать ей жить и уехать к себе в Германию. Или Австрию. Ей надо работать и стать звездой, хотя бы для того, чтобы выжить.

ОНИ — после того как произошло то, что должно было произойти, перейти «на ты» так и не смогли. Не получилось. То ли уже было поздно, то ли еще что-то. Он ушел от жены. Она больше никогда ни с кем не встречалась. «Вы» между ними стало звучать гордо и одновременно естественно.

Вы, Григорий Васильевич Александров¹, режиссер.

Вы, Любовь Петровна Орлова², актриса.

Мы вместе с вами пара. Мы любим друг друга. Мы муж и жена.

И действительно: «Лучше быть на вы, как на ты, чем на ты, как на вы. Кстати. Наш с вами фильм “Веселые ребята” понравился товарищу Сталину. Я купаюсь в море счастья. А вы?»

Недовольные и злые языки? Недовольные будут всегда. Учитель Александрова — Сергей Михайлович Эйзенштейн³ — заявил ближайшему окружению, что Гри-

¹ Григорий Васильевич Александров — 23 января 1903–16 декабря 1983. Советский кинорежиссёр, актер, сценарист, педагог, профессор.

² Любовь Петровна Орлова — 11 февраля 1902– 26 января 1975. Советская актриса театра и кино, певица и танцовщица, народная артистка СССР (1950). Одна из звёзд советского экрана конца 1930-х–начала 1940-х годов.

³ Сергей Михайлович Эйзенштейн — 22 января 1898–11 февраля 1948. Советский режиссёр театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства, педагог.

ша предал и его, и серьезное искусство. «После театра “Пролеткульт”, после новаторского фильма “Стачка”, после гениального “Броненосца Потемкина”, после потрясающего фильма “Октябрь”, после “Старое и Новое”, наконец, после самой известной поездки первой половины XX века по странам и континентам начать снимать мюзикл?! Мне не о чем с тобой больше говорить. Дружить или общаться? Исключено. Прощай, Гриша. Жаль. Ты не оправдал моих надежд, ученик».

Пункт второй. Кстати, он милый и мне лично нравится. У всех ее предков, начиная с эпохи Екатерины II, были отдельные спальни. Спальни помогают надолго сохранить отношения? Вполне вероятно. Тогда пусть так и будет. Нечасто встречается аналогичная ситуация в семьях. Но они, вернее, она может себе такое позволить. И никого не интересует в этой паре, что будут о них говорить. Двое влюбленных друг в друга людей. А мир? Мир — очень большой и жестокий. Пусть он живет своей жизнью. У нас есть наш — маленький и уютный. С отдельными спальнями. Мы никого в наш маленький мир не пустим.

И последнее — третье. Собственно, я об этом уже писал.

«Мы в гимназии отправляли друг другу записочки. Это так мило и романтично... Чем меньше мы будем говорить — тем лучше. У каждого свое прошлое. В разговорах оно обязательно всплывет. А в записках? В эпистолярном жанре делать это безусловно сложнее. Давайте просто любить, держась за руки. И писать, сидя друг против друга, любовные письма. Вы согласны?»

Потрясающе.

Вообще Григорий Васильевич Александров (для меня уже просто ГВА) был удивительный персонаж. Человек с конца двадцатых годов вел дневник, вернее, дневники. Правда, Александровские ежедневники необходимо расшифровывать. Его сокращения мест и имен иногда напоминают абракадабру. Все приходится проверять и перепроверять. Времени уходит уйма. Хорошо, что у меня есть помощники. Еще одна особенность ГВА: он никогда ничего не выбрасывал из документов, бумажных артефактов, способных когда-нибудь ему напомнить о пережитом. Никогда. В его архиве попадаются старые трамвайные билеты, театральные программки, меню из ресторанов, не говоря уже о письмах, открытках и фотографиях. Их дача была завалена всякими бумагами и бумажками, сувенирами и какими-то непонятными штуками, до которых у меня еще не дошли руки. Ну и, конечно, двадцать четыре тысячи фотографий. Повторяю, двадцать четыре тысячи.

Для меня, коллекционера всего того, что связано с прошлым веком, этот архив, эти письма, фотографии, дневники и записки — просто огромный прииск счастья.

Поначалу, когда вместе с группой искусствоведов мы сложили первый том архива, я подумал, что все издательства нашей страны оторвут с руками готовый проект.

Оказалось, что я заблуждался.

Все охали и ахали: «Как это интересно, как это здорово сделано! Это настоящее открытие! Но... печатать не будем. Некоммерческий материал. Купят сто, может быть, двести человек. И все. Извините».

Приходится тащить эту лямку самому. Дорого безумно. Но ведь во ВГИКе в мое студенческое время говорили: